
Изяслав КОТЛЯРОВ

* * *

Станет ли целое частью?
Смелость похожа на страх...
«Воля — стремление к счастью», —
думал еще Фейербах.
Нет, никогда не привыкну
жизнь после жизни я ждать...
Надо ли волю инстинкту
в рабство уже отдавать?
Истины, что ли, боится?
Дальше забвенья смотрю.
Что-то безлико таится
здесь, где добро — не к добру.
Молча подскажет Всевышний:
быть — это значит не быть.
Только отчаявшись в жизни,
можно ее полюбить.

* * *

Меня то гладит время, то дерет,
как будто бы еще не понимает,
что я беру лишь то, что мне дает,
и отдаю лишь то, что отнимает.
Но истина обманчиво дана,
и потому я трусостью смею:
за тишиной уже не тишина,
а только то, что быть хотело ею.
Вдруг жарко даже там, где дышит стынь,
и вдруг темно, где медленно светает,
но знаю я, что даже и полынь
без корня своего не прорастает.
Что днями исчезаю от погонь,
что бедностью и впрямь живу безбедно,
что как в кремне скрывается огонь,
так и душа порою незаметна.

Изяслав Григорьевич Котляров родился в 1938 году в г. Чаусы Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Работал в газете летчиков гражданской авиации «Западная трасса», в светлогорской районной газете. Был директором Светлогорской картинной галереи «Традиция» имени Германа Прянишникова. Состоял в Союзе писателей СССР, а теперь — в Союзе писателей Беларуси и Союзе российских писателей. Автор более двадцати поэтических книг. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Юность», «Смена», «Студенческий меридиан», «Нева», «Аврора», «Форум», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Неман», «Немига литературная» (Минск), в альманахах «Поэзия» (Москва), «День поэзии» (Москва), «Встречи» (Филадельфия), «Поэтический Олимп» (Москва), «Дзень паэзіі» (Минск), в «Литературной газете», «Литературной России» и других изданиях. Живет в г. Светлогорске.

* * *

Как жить вне истинного зова,
вне ожидающего дня?
Я не нашел в себе такого,
что выявляло бы меня.
Судьба сама себя диктует,
но ей о том не говорю.
Она и плачет, и ликует,
но я лишь сам ее творю.
Невзгоды сделались моими,
их даже страху предпочел,
но дни мои неотмолимы,
хоть прожил то, что я прочел.
И словно все еще в засаде,
как век иль жизнь тому назад,
уже в чужом остался взгляде
мой полный чьим-то взглядом взгляд.
Дышу в свое сердцебиенье
и даже ложью не солгу...
Отнять у совести забвенье
вдруг захотел, а не могу...

* * *

Даже некого винить
откликом и зовом...
Правде можно изменить,
а себе — ни словом.
Стыдно честной синевы,
тишины молчанья...
Вот и вышел из молвы
в чистоту дыхания.
Так реальны речка, луг,
даль уже без далей...
А казалось, в жизни вдруг —
никаких реалий.
Над собой и впрямь стою,
в струях растекаюсь —
долго в речке тень свою
рассмотреть пытаюсь.
Только тенью я — река,
луг я — только тенью
здесь, где годы и века
отданы мгновенью.

* * *

Душа дана тебе в наследство,
а ты забыл, а ты забыл,
но знал свое несовершенство —
и совершенен этим был.

Мучитель? Мученик? Едино
в тебе и то, и то сошлось...
Неочевидно? Очевидно?
И понимание — до слез.
Уже не жить — хотя бы выжить...
Душа наследует — кого?
Ты не успел еще приблизить
к добру исконное добро.
Дай завершение началу.
Живи во всех и в никого,
но знай: чем ближе к идеалу —
тем дальше будешь от него.
Душа дана тебе в наследство.

* * *

Вот и сумрак оставшихся дней —
он себя лишь собой повторяет...
Ветер тени срывает с ветвей
и на грязную землю швыряет.
Глажу взглядом уснувшую тьму,
доверяю святому обману...
Если худшее все же приму,
может, лучшим я все-таки стану
здесь, где раем вдруг делают ад,
коль деревня живет, как в Париже,
где чем выше мой солнечный взгляд,
тем земля осторожная ниже.
Бедный разум никак не поймет:
ближе к небу, а значит, и к бездне...
Коль посмертная слава придет,
то иная уже не исчезнет.

* * *

Эти чуткие клочья теней
что-то нервное вновь затаили
и во мне или только по мне
засквозили уже, заскользили.
Невесомы, а тяжесть в них есть, —
это все же воздушная тяжесть
и какая-то нервная месть,
о которой и слову не скажешь.
Закружились — и взгляд мой рябит.
Я иду по рябющему взгляду...
Полуумер иль полуубит
за какую-то высшую правду.
В каждом, что ли, клеветущий лстец,
каждый сам и креститель, и крестник...
Не творец все еще, не творец —
все еще не творец, а предвестник.